

Кашкарова Варвара Алексан

Настенькина тропа

книга-игра

Версия текста: 1

КвестБук: книги-игры и сторигеймы

<https://quest-book.ru>

1

Ночь. Холод. Лишь тусклый свет лучины освещает комнату. Я сижу и вяжу чулки. Мачеха велела к утру две пары — себе и Марфушке. Пальцы замерзли, спина болит, но я терплю.

Марфушка храпит на печи, но мухи прерывают ее сон, что будит мачеху. Мачеха вскакивает и будит моего отца.

— Ты что же это, сладенькая, делаешь? — шипит она.

— Сестрице марфушеньке чулки вяжу, — отвечаю я.

— Вяжешь? — прерывает меня она. — Вязать я приказывала, а вот спицами стучать, медовенькая, не приказывала! Марфушеньку-душеньку разбудишь!

Она хватает меня за плечо, выталкивает за дверь. На мне только тонкое платьице да лапти.

Я сажусь на ступеньку, кладу вязание на колени. Солнце начинает светать, а я стараюсь плести быстрее.

Что делать?

- Заплакать громко, позвать на помощь, пожаловаться на судьбу — (12)**
- Взяться за работу и позвать тех, кто может помочь — не людей, а силы природы — (24)**

2

Я протягиваю руку.

— Встань, Иван. Я давно тебя простила.

Он поднимается, садится рядом. Долго смотрит на меня.

— Ты необыкновенная, — говорит он. — Я никогда никого таким не видел.

Иван накрывает меня своей шубой. Мы сидим под елью, смотрим на звёзды.

Вдруг из леса выбегают две белки — маленькие, юркие. Они кружатся вокруг нас, прыгают на сундук.

Вместе с белками идём через лес. Снег скрипит, ветки качаются. По дороге встречаем медведицу — ту самую, которую Иван не убил. Она кланяется мне, трётся носом о ногу, потом уходит в чашу.

— Видишь, — говорю я Ивану. — И звери помнят добро.

Иван молчит, краснеет.

Терем Морозко стоит на поляне — весь из льда и снега, но тёплый внутри. Нас встречает старик в белой шубе, подносит чай с мёдом и малиной.

— Свадьбу сыграете у меня, — говорит Морозко.

- «С радостью, батюшка. Где ты велишь — там и свадьба» — (18)**
- «Спасибо, Морозко, но мы лучше в деревне, при людях» — (21)**

3

Мы возвращаемся. Мачеха встречает нас с поленом в руке.

— Всё не так? — спрашивает она тихо. — Жалко дочку?

Отец не успевает ответить. Удар приходится в висок. Он падает замертво.

— А ты? — мачеха поворачивается ко мне. — Ты у меня дальше пойдёшь?

Меня продают в соседнюю деревню за мешок муки. Я работаю на чужую семью до старости. О том, чтобы выйти замуж, не может быть и речи — никто не берёт за себя бедную сироту.

КОНЕЦ ИГРЫ

4

Я хватаю ведро и со всей силы натягиваю Ивану на голову.

— Не смей! — кричу я.

Иван слепнет на мгновение, роняет лук, шатается. Медведица с медвежатами скрываются в чаще.

Иван сдёргивает ведро и смотрит на меня в бешенстве. Голова его стала медвежьей. Уши торчат, шерсть лезет, глаза стали маленькими и злыми.

— Ты что наделала? Я из-за тебя без шкуры остался! — хочет ударить, но вдруг видит моё перекошенное от страха. Я теряю сознание.

Иван не понимает, что происходит. Подносит зеркало к моему лицу, чтобы проверить дыхание. Жива. В зеркальце замечает, что голова его стала медвежьей.

— Ведьма! — кричит Иван хриплым голосом и убегает в лес. — Змея подколодная!

На месте медведицы — только алая полоска зари. А я остаюсь одна у цветущего пня, и сердце моё разрывается от жалости к Ивану и от ужаса от того, что я наделала.

Я сижу у пня и плачу. Цветы вырастают и начинают тянуться ко мне, гладят по рукам прозрачными лепестками.

— Не плачь, Настенька, — шепчут они. — Ты поступила правильно. Медведица жива, детёныши живы. А Иван... Иван должен научиться доброте.

— Но как он научится, если у него голова медвежья? — всхлипываю я.

— Так учили всех. Где проклятие — там и искупление. Не твоя вина, Настенька. Твоя заслуга.

Я смотрю на солнце. Оно уже поднялось высоко, розовое, тёплое. Я закрываю глаза и шепчу:

— Солнышко ясное, я тебя просило тогда — ты остановилось. Теперь попрошу о другом. Пусть Иван найдёт дорогу к добру. Пусть он станет человеком не только снаружи, но и внутри.

Солнце мигает — и я понимаю, что просьба услышана.

Осень. В деревню едут женихи — Марфушку смотреть. Мачеха суетится, угли в печи раздувает, блины печёт. Меня мажут сажей, натягивают на голову рваную тряпку и прячут в тёмный угол.

— Сиди и не высовывайся! — рычит мачеха. — Марфушеньку не позорь!

Марфушку наряжают. Белят лицо сметаной, румянят свёклой, брови углём подводят.

Волосы накручивают на мокрые тряпки — будут локоны. Смех и грех, но я молчу.

Приезжают женихи. Трое. Сидят за столом, пьют, едят блины. Марфушка лебезит, икает от волнения.

— А что девушка умеет? — спрашивает один жених, кривой на левый глаз.

— Всё умеет! — кудахчет мачеха. — Марфушенька, покажи уменье!

Марфушка встаёт, идёт к двери, где в сенях стоит гусь — жирный, сердитый.

— Сейчас я этого гуся поймаю и жаркое из него сделаю! — хвастается Марфушка.

Она хватается гуся. Гусь вырывается, дерёт её за палец. Марфушка пищит. Гусь выскальзывает из рук и бежит к пруду. Марфушка — за ним. С берега — бултых! — и в воду.

— Тонет! — орут женихи.

Стоять в стороне. Она сама виновата — (7)

Броситься в воду и вытащить Марфушку. Вода смоеет сажу и тряпку — (22)

5

— А если не верите — приезжайте ещё раз в гости, — смеюсь я. — Я вас блинами угощу с малиновым вареньем, и сама получше расскажу, как Морозко меня спас.

Внуки хлопают в ладоши. Иван ставит самовар. За окном мороз трещит, но в избе тепло и светло.

Я наливаю чай и думаю: в этой сказке каждый может сделать свой выбор.

ПОЗДРАВЛЯЮ! Ты провёл Настеньку через все испытания. Ты выбрал правильные ответы — везде, где это было нужно. Ты помог ей остаться доброй, но не рабски покорной, терпеливой, но не безвольной.

Теперь ты знаешь: русский культурный код — это умение терпеть, не жалуясь, помогать, не ожидая награды, и прощать, не забывая о себе.

Настенька и Иван живут долго и счастливо. А если не верите — приезжайте в гости. Блинами угостят :)

6

— Нет, матушка, — говорю я. — Морозко дал мне. Марфушка на печи лежала — пусть на печи и лежит.

Мачеха замахивается, но Иван встаёт между нами.

— Только тронь, — говорит он. — Я тебя из деревни выгоню.

Мачеха осекается, лезет в избу и хлопает дверью.

Мы с Иваном строим свой дом. Сундук не трогаем — он стоит в углу как память о том, что доброта и терпение побеждают.

Состарились мы с Иваном. Он уже не ходит на охоту, только сидит на крыльце и режет ложки. Я пряду пряжу — пальцы не болят, спасибо цветам на сухом пне.

Внуки бегают по двору, кричат: «Бабушка, расскажи сказку про Морозко!»

Я сажаю их к себе на колени и начинаю:

— Жила-была девочка. И была у неё злая мачеха и ленивая сестра, которым приходилось прислуживать, делать самую тяжёлую работу. После появился хвастливый жених и старик с ледяным посохом.

— А что было потом? — спрашивают внуки.

— А потом она научилась терпеть, не унижаться. Прощать, но не позволять собой пользоваться. Она изменила жениха своей добротой так, что он перестал быть чрезмерно гордым и хвастливым, а старик с ледяным посохом полюбил девочку

— И всё? — внуки поджимают губы.

— И всё. А большего не надо. Доброта и терпение — вот что согревает. Всё остальное — губит морозом.

Иван улыбается, обнимает меня за плечи.

«И жили они долго и счастливо. Конец» — (16)

«А если не верите — приезжайте ещё раз в гости. Я вас блинами угощу» — (5)

7

Я сижу в углу, смотрю, как Марфушка барахтается. Женихи не двигаются — раз в воде холодно. Мачеха воет на берегу, но никто не лезет спасать.

Марфушка идёт ко дну. Молодую, глупую и злую, её вытаскивают через полчаса — уже мёртвую. Мачеха в ярости набрасывается на меня: «Это ты её сглазила! Ведьма!»

Меня хватают, волокут к проруби и топят. Никто не заступается — боятся ведьмы.

КОНЕЦ ИГРЫ

8

— Тепло, батюшка, — отвечаю я. — Мне и не холодно вовсе.

Морозко удивляется. Ходит вокруг, заглядывает в лицо.

— Странная ты, — бормочет. — Впервые такую встречаю.

Он уходит в темноту. Снег падает. Я жду.

Морозко возвращается. Он стал выше, злее, холоднее. От его шубы идёт такой мороз, что воздух трещит.

— А теперь тепло ли тебе, девица? — спрашивает он.

У меня губы синие. Пальцы не чувствуют спиц. Ноги в лаптях превратились в ледышки. Дышать трудно — воздух замерзает в горле.

«Тепло, морозушка. Тепло, батюшка.» — (19)

Молчать, глядя в землю — (15)

9

Я смотрю на него открыто, но без вызова.

— Здравствуй, добрый молодец. Чем обязан?

Иван скалится:

— Да так, проходил мимо. Вижу — девица цветы из пня растит. Чудно.

— Чуда тут нет, — отвечаю я. — Терпение и доброе слово творят чудеса.

Иван усмехается, садится рядом. Достает дудочку, наигрывает что-то.

— Ты Настенька, что ли? Слышал про тебя. Мачехина затируха.

— Затируха не затируха, — говорю я. — А цветы поливаю. Не суди, не зная.

Иван смотрит внимательно. Усмешка сползает с его лица.

— А ты с характером, — говорит он тихо. — Мне нравится.

Иван встаёт, потягивается. Хочет меня впечатлить.

— Хочешь, покажу, какой я сильный? — говорит он. — Вон медведица с медвежатами. Застрелю — тебе шубу сошью.

Он натягивает лук, целится в зверя. Медвежата возятся у ног матери, не чуя беды. Я вижу, как сердце медведицы бьётся под шкурой — она готовится защищать детей.

Крикнуть: «Не смей!» — и надеть ему на голову пустое ведро, стоящее рядом — (4)

Сказать: «Ох и сила ты, Иван! Стреляй!» — (17)

10

Я шепчу в землю:

— Здравствуй...

Иван ждёт. Я больше ничего не говорю. Он пожимает плечами.

— Немая, что ли? — бормочет. — Скучная.

Отворачивается и уходит. Мне обидно, но я не догоняю. Больше он за всю весну не пришёл.

КОНЕЦ ИГРЫ

11

Я начинаю жаловаться, всхлипывая:

— Холодно мне, дедушка. За что меня сюда привезли? За что меня не любят?

Морозко хмурится. Поднимает посох — и я чувствую, как из моих костей уходит последнее тепло. Я замерзаю заживо — сначала ноги, потом руки, потом сердце.

Весной охотники находят под елью ледяную статую. Девушка сидит с открытыми глазами, и на её лице застыла жалоба. Мачеха говорит: «Так ей и надо — нечего ныть».

КОНЕЦ ИГРЫ

12

Я рыдаю во весь голос. «Помогите! Замерзаю! Мачеха меня убивает!»

Мачеха вылетает из избы с ухватом.

— Ах ты, жалобщица! Соседей перебудишь!

Она бьёт меня ухватом по спине, заталкивает в хлев и запирает на засов.

Утром чулки не связаны. Мачеха на весь двор кричит: «Лентяйка! Дармоедка!» Меня секут розгами при соседях, а потом выгоняют из деревни.

КОНЕЦ ИГРЫ

13

— Поздно, Иван, — говорю я. — Ты меня одну в лесу бросил. Я теперь сама себе хозяйка. Обойдусь без тебя.

Иван опускает голову, поворачивается и уходит. Я остаюсь одна с сундуком.

Денег у меня много. Мужики сватаются, но я всем отказываю: «Сама себе госпожа».

Я покупаю избу, живу в достатке. Но по ночам плачу в подушку. Некому слово ласковое сказать, некому щи на стол поставить. Старость я встречаю в одиночестве. И однажды, сидя у окна, вижу Морозко с ледяным посохом. «Ты выбрала гордость, — говорит он. — А не любовь».

Я понимаю — это мой выбор. Но понимаю слишком поздно.

КОНЕЦ ИГРЫ

14

Я улыбаюсь, но иду кормить Петю:

— Петя, Петя, петушок, золотой гребешок. Спасибо тебе, Петенька, выручил! — улыбаясь говорю я.

Лето. Я на огороде. Мачеха приказала:

— Видишь пень сухой? Поливай его, пока цветы не появятся. Без цветов не возвращайся!

Я киваю и, взяв ведро, иду к реке. Начерпав воды, выливаю ее на пень.

Раз. Два. Три. Ничего не растёт. Руки натружены, спина и плечи болят, но я не перечу.

В этот момент мимо проходит Иван.

Он красив — кудрявый, румяный, глаза приподведены сажей (любит себя). На плече — лук, за поясом — топор. Идёт вразвалочку, насвистывает.

Увидел меня — остановился. Цветы заметил — присвистнул.

— Здравствуйте, цветочки на сухом пенёчке! — говорит он и смеётся собственной шутке.

Я поднимаю голову.

○ Посмотреть прямо и сказать приветливо: «Здравствуй, добрый молодец. Чем обязан?» — (9)

○ Опустить глаза, покраснеть, прошептать что-то неслышное — (10)

15

Я молчу. Обида душит меня: за что? за что? Но я не могу выдавить ни слова.

Морозко ждёт. Ждёт долго. Потом поворачивается и уходит в лес.

А вместе с ним уходит и тепло, которое он мог бы дать. Я остаюсь одна под елью. Ни благословения, ни проклятия. Ничего.

Утром меня находят охотники. Я жива, но пальцы обморожены — их пришлось отрезать. Я больше не могу пряхсть, не могу вязать, не могу держать ведро. Никому не нужная калека.

КОНЕЦ ИГРЫ

16

— И жили они долго и счастливо, — говорю я. — Конец.

Внуки вздыхают:

— Как в книжке?

— Как в книжке, — отвечаю я. А про себя думаю: книжка-то по правде написана. Только правда была холоднее, чем в книжке.

И тем не менее — счастливый конец.

КОНЦОВКА 1 (хорошая, но не тёплая).

17

Я улыбаюсь и говорю:

— Покажи, какой ты сильный. Я буду твоей женой, если медведицу застрелишь.

Иван стреляет. Медведица падает. Медвежата разбегаются с воем. Я смотрю на кровь и чувствую, как что-то во мне обрывается.

Из-за сосны выходит старичок-Боровичок.

— Не заступилась за бедное немое животное, — говорит он. — Сама будешь молчать до конца дней.

Я открываю рот — и не могу издать ни звука.

Иван смотрит на меня, пожимает плечами и уходит. Шубу он сошьёт, но другая будет в ней ходить. А я остаюсь сидеть у пня, немая и одинокая.

КОНЕЦ ИГРЫ

— С радостью, батюшка, — говорю я. — Где ты велишь — там и свадьба.

Морозко улыбается — впервые за много лет. Он хлопает в ладоши, и терем наполняется светом.

Свадебный пир. На столе — хлеб, мёд, яблоки, орехи. Вокруг танцуют лесные жители. Медведица сидит в углу и кивает — поздравляет.

Мы с Иваном сидим рядом. Он надел мне на палец золотое колечко — из приданого.

— Теперь ты моя жена, — говорит он. — Я тебя никому не дам в обиду.

Из дальнего угла поднимается Морозко. Он подходит ко мне, кладёт руку на голову. Тёплую, живую — не ледяную.

— Настенька, — говорит он. — Ты прошла испытание. Кротость, терпение, доброта и умение прощать — вот что согревает человека сильнее любой печи. Живите с Иваном долго и счастливо.

Потом Морозко исчезает — растаял в воздухе, как иней.

Гости веселятся до утра. Я смотрю на Ивана, он на меня — мы начали понимать друг друга без слов.

Наутро мы возвращаемся в деревню. В санях — сундук с приданным и подарки от Морозко.

На крыльце нас встречает мачеха. Марфушка выглядывает из-за плеча — красная, нарядная, хотя всё равно некрасивая.

— Настенька, — лебезит мачеха. — Мы тебя заждались. Сундучок-то пригодится. Марфушке жениха нашли — приданое нужно.

Не отдавать. Морозко дал — мне. Марфушка ела на печи сметану, пусть и продолжает — (25)

Отдать. Она же мать. Пусть Марфушка носит — (6)

— Тепло, батюшка, — шепчу я. — Так же тепло, как и в первый раз.

Морозко отступает на шаг. Я вижу, как в его ледяных глазах мелькает что-то похожее на уважение.

— Хорошо, — говорит он. — Посмотрим, что ты скажешь в третий раз.

Морозко подходит третий раз и говорит:

— Хорошая ты девица, не перечливая. На вот тебе шубу мою, лапушка!

После чего отдает мне свою шубу. Шуба очень теплая и позволяет мне отогреться от стоящего вокруг мороза. Но я спрашиваю его:

— А как же ты, батюшка, не замерзнешь?

Морозко рассмеялся. После чего птичка приземлилась на его посох и превратилась в лед. Я испугалась и подбежала к ней, начала пытаться ее разморозить, но лед не отступал.

— Не трудись, девица, те, кто до моего посоха дотронутся — не проснутся больше никогда.

Я от холода падаю в обморок. Проснувшись я уже в его шубе и на санях. Ехали мы быстро-пребыстро до его дома. Дом расписной, красивый, в голубо-белых тонах. Морозко уходит в лес поглядеть на березки да ёлочки. Я осталась одна в его доме.

Я открываю сундук — там парча, соболя, жемчуг, серьги с изумрудами. Тёплая шуба — как раз по мне. Я одеваюсь, согреваюсь.

Морозко исчезает — только иней на ветках. Я ложусь на сундук и засыпаю. С утра меня находит Иван.

Он уже без медвежьей головы — успел искупить свою вину.

Как Иван искупил вину? (рассказ Ивана)

В лесу он встретил слепую старушку, которая обронила клюку. Иван хотел пройти мимо — но что-то остановило. «Мать ведь», — подумал он. Поднял клюку, догнал старушку, отдал. И в этот момент проклятие спало — медвежья шерсть опала, уши втянулись, человеком стал.

— Одна добрая мысль, — говорит Иван, когда будит меня. — Без корысти, без награды. И я снова стал человеком.

Я смотрю на него — он изменился. Глаза уже не наглые, а внимательные. Он не хвастается, не смеётся надо мной. Он просто смотрит и улыбается.

— Настенька, — говорит он. — Я дурак был. Прости меня.

○ «Поздно, Иван. Ты меня одну в лесу оставил. Я теперь без тебя обойдусь» — (13)

○ Протянуть руку и сказать: «Встань, Иван. Я давно тебя простила» — (2)

20

Я не сдерживаюсь:

— Не смейте! Я Всю ночь их вязала! Я добрая, работающая, а Марфушка — лежебока!

Мачеха бежит к двери, распахивает её и кричит на улицу:

— Люди добрые! Слышите? Она нас позорит! Она мать родную хулит!

Соседи сбегаются. Марфушка ревёт навзрыд. Меня хватают за руки, ведут на площадь и секут розгами. Я кричу, но никто не заступается. Вечером меня выгоняют из деревни.

КОНЕЦ ИГРЫ

21

Я кланяюсь Морозко.

— Спасибо, батюшка, но мы лучше в деревне. При людях, при свидетелях.

Морозко хмурится, но соглашается.

В деревне свадьба идёт хорошо, но недолго. Через год после свадьбы Иван снова начинает хвастаться — без Морозкова глаза, без лесного присмотра. Он возвращается к старой привычке: «Я, я, я». Я молчу, терплю. Ивана некому остановить — у нас нет Морозко за плечом. Семья рассыпается.

Мораль: без чужого глаза мы часто забываем, кем должны быть.

КОНЕЦ ИГРЫ

Я срываю с себя тряпку, выбегаю из избы и бросаюсь в пруд. Холодно — до костей. Я хватаю Марфушку за косы (настоящие, не накладные — те ещё в пруду приказали долго жить) и тяну на берег.

На мне сажа и грязь. Вода смывает всё. Женихи видят моё чистое лицо, мои русые косы, мои синие от холода, но красивые глаза.

— Ох ты, — говорит кривой жених. — Вот это невеста! А красавица-то где пряталась?

Мачеха в бешенстве. Марфушка, мокрая, злая, без косы накладной, трясётся на берегу и орёт.

— Это моя дочь! — кричит мачеха. — А та — самозванка!

Женихи переглядываются. Я стою мокрая, зубы стучат, но не ухожу. Иван, который тоже случайно зашёл на огонёк, смотрит на меня с удивлением.

— Помнишь меня? — спрашивает он тихо.

— Помню, — отвечаю я.

Вечер после смотрин. Мачеха металась по избе, била посуду, рвала на себе волосы. Марфушка лежала на печи и выла — её опозорили при всех женихах.

— Всё из-за неё! — завывала мачеха, показывая на меня. — Извести её надо!

Отец, который всё это время сидел молча, поднял голову.

— Что ты задумала? — спросил он тихо.

— Зимой увези её в лес, негодную, под большую ель, и оставь там, змею подколодную — морозу на съедение.

Отец побледнел и замер. В избе наступила тишина.

Поздно ночью я сидела в чулане и собирала узелок. Вошёл отец. Сел рядом, я увидел на его глазах слёзы.

— Настенька, — прошептал он. — Я не могу. Поехали обратно. Всё вытерплю, но тебя не отдам.

Я посмотрела на отца — на его морщины, на его трясущиеся руки. Если он пойдёт против мачехи, она убьёт его. Я знала это точно.

○ **«Вернёмся, батюшка. Вместе выстоим. Мачеха тебя не посмеет тронуть — свидетели будут» — (3)**

○ **«Нет, батюшка. Мачеха тебя со свету сживёт. Оставайся. Я лучше одна в лесу пропаду, чем тебя под удар подставлю» — (23)**

23

— Нет, батюшка, — говорю я твёрдо. — Мачеха тебя со свету сживёт, если ослушаешься. Я лучше в лесу пропаду, чем тебя под удар подставлю.

Старик плачет, сухой морщинистой рукой гладит меня по голове.

— Прости меня, доченька. Не сумел защитить.

Я незаметно спрыгиваю с саней, когда он отворачивается. Сани скрипят по снегу, отец уезжает.

Я сижу под старой елью. Снег падает на плечи, на волосы, на колени. Тишина — только мороз трещит. Я не плачу. Не жалею.

— Тепло ли тебе, девица?

Голос идёт из темноты. Я поднимаю голову — передо мной старик. Седая борода до пояса, шуба из инея, глаза как звёзды. В руке — ледяной посох.

Морозко.

«Тепло, батюшка-морозушка, тепло» — (8)

«Ой, холодно, дедушка! Помираю!» — (11)

24

Я не плачу. Я берусь за спицы и начинаю вязать. Пальцы замерзают, но я шепчу петуху Пете:

— Пожалей меня, петя, петенька, мне остался рядок да петелька.

— Кооо-ко-ко. Петухи - подневольные птицы, надо к зорьке тебе обратиться! — Кудахчет он мне.

Я бегу к холму, солнце только-только светает. Кланяясь я прошу:

— Пожалей меня, зорька ясная, пожалей меня, солнышко красное. Подожди пока кончу вязание, а то будет мне наказание. Мачеха все косы повидержит...

Солнце останавливается. За лесом алеет полоска, но не поднимается. Я вяжу, а время стоит.

Светает. Мачеха выходит из избы, хотя начать меня ругать, но я протягиваю ей две пары тёплых чулок. Мачеха смотрит на них, потом на меня. Глаза узкие, злые.

— Успела таки, — шипит она. — Ах ты, ведьма проклятая, змея подколотная! Ну, в другой раз я тебе потруднее работу задам! А пока что, птицу накорми, скотину напои, дрова накопи, двор подмети!

Я попыталась возразить, но мачеха пресекла мою попытку на корню.

Продолжать пытаться возражать мачехе — (20)

Молча стерпеть и пойти делать дела — (14)

25

Я отдаю сундук.

— Берите, матушка. Мне не жалко.

Мачеха радостно хватает подарки. Марфушка в тот же день уезжает к жениху. Через месяц от приданого не остаётся ничего — Марфуша всё, проела, проиграла в кости. Жених выгоняет её. Мачеха приходит ко мне снова.

— Настенька, дай ещё!

— Больше нет, — отвечаю я. Второго сундука Морозко не дал. Мы с Иваном живём бедно.

Мораль: доброта без границ — это глупость. Будь доброй, но не позволяй собой пользоваться.

КОНЕЦ ИГРЫ